

УНИВЕРБАЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АББРЕВИАЦИИ

В статье придается большое значение одному из видов образования сокращенных слов – универбации, которая приобретает особенно широкое распространение. В настоящее время около 50% аббревиатурного образования идет по этому способу, что вытекает из закона сохранения усилий или наименьшего усилия.

Язык представляет своей эволюцией двоякую зависимость: от среды, в которой он существует, и от своего внутреннего механизма и устройства. Параллельно языковым изменениям, обусловленным воздействием внешней среды, выделяются изменения, не обусловленные внешними причинами, что позволяет говорить об относительной самостоятельности развития языковой системы. С другой стороны, и развитие системы языка осуществляется до известной степени независимо от некоторых частных сдвигов и обособленно от них. Отличительной чертой любого языка является его способность чутко реагировать на малейшие изменения в общественной, культурной и повседневной жизни его носителей. Слова в языке создаются по определенным моделям, характерным для того или иного языка: путем аффиксации, словосложения, конверсии, аббревиации. Каждый из этих способов имеет свою типологию, которая, в свою очередь, зависит от общей типологической характеристики языка. Широкое развитие аббревиации и использование сокращенных лексических единиц стало общей тенденцией для многих национальных языков; число сокращений в мире растет с большой скоростью, и становится необходимым учитывать все появляющиеся аббревиатуры. Их создание – один из больших и быстроразвивающихся процессов; это естественная, старая и универсальная тенденция языка.

Системность лежит в основе методики изучения языковых явлений, направленной на их рассмотрение как динамического компонента языковой структуры, то есть исключительно с точки зрения его роли в организации целого. «Не отдельные изменения приводят к изменению системы в целом, – подчеркивает С.Д. Кацнельсон, – а, наоборот, история системы, обусловленная присущими ей противоречиями, определяет историю отдельных фрагментов системы...» (1), то есть, чтобы восстановить историю системы и представить систему как таковую, необходимо обратиться к единичным фактам, к отдельным изменениям в их совокупности. С другой стороны, само наблюдение за данными факторами, выражающими и манифестирующими эволюцию языка, позволяет различить

общие тенденции и отклонения от них, регулярные сдвиги и сдвиги частного характера, явления профилирующие и ограниченные и т. д. В силу качественной неоднородности наступающих изменений одни из них имеют прямое отношение к перестройке языка в целом, другие как бы скользят по ее поверхности, оставаясь на периферии системы, или даже вообще ее не затрагивают. Понятие системы языка, представляющей собой не только то, что есть в языке, в его нормах и речевых проявлениях, связано, прежде всего, с определением ее открытости и гетерогенности. Нет и не может быть такого языка, который реализовал бы все свои возможности, исчерпал бы все свои ресурсы. Система делает язык устойчивым в условиях функционирования и реализации и в то же время определяет пути его развития. Однако многие языковые изменения не образуют постоянной восходящей линии, связанной с рассматриваемым процессом.

Абсолютный прогресс в области языковой техники может выражаться только в приспособлении языка к усложняющимся формам общественной и социальной жизни людей и вызываемым ими новым потребностям общения. Совершенствование науки, техники, общечеловеческой культуры, увеличение объема знаний о мире является источником возникновения новых понятий, для которых язык вынужден находить свое выражение. Условия жизни той или иной нации, уровень развития материальной и духовной культуры, исторический путь, пройденный человечеством, войны и революции, великие открытия приводят к появлению новых объектов и процессов, новых впечатлений, а следовательно, и к необходимости их названия (2). Увеличиваются общественные функции языка, расширяется его стилевая вариативность, слова приобретают способность обозначать самые тонкие нюансы значений.

Лексика как наиболее подвижный, динамичный уровень языковой системы реагирует на происходящие в обществе перемены весьма чутко и исторически быстро. Особенно явно это можно наблюдать в периоды радикальных трансформаций государственного, социального, экономического устройства, которые сопрягаются с ломкой

стереотипов поведения, переориентацией морально-этических установок, ремаркацией рубрик аксиологической шкалы. Связь между изменением словарного состава и феноменами внешнего и внутреннего мира человека зачастую оказывается, очевидно, взаимонаправленной. Слова и устойчивые словосочетания, отражающие и запечатлевающие многообразные явления в сознании людей, способны при определенных условиях воздействовать на носителей языка, выступая стимуляторами, которые вызывают довольно прогнозируемые реакции, то есть моделируют мышление и поступки членов этносоциума – объекта языковых манипуляций; во многих подобных случаях денотативная основа слов и целых словесных блоков-микротекстов размыта. Как правило, это происходит вследствие либо отсутствия референта в реальной действительности, либо вариативности его оценок разными членами или группами социума. Прогресс проявляется также в области синтаксиса, который в древних языках не имел той упорядоченности, которая отличает синтаксис современных высоко развитых языков, где система выражения отношений стала более стройной и структурно четкой. Но, прежде всего прогресс языка выражается в росте словарного состава и увеличении количества значений слов.

Аспекты функционирования и развития языка тесно связаны друг с другом, но вместе с тем разграничены. Правомерность данного подхода обоснована описательным и историческим изучением языка давно (3). На первый план эта проблема выступила с тех пор, как Ф. де Соссюр сформулировал свою знаменитую антиномию диахронической и синхронической лингвистик на основе противопоставления языка и речи. При изучении языка с опорой на два представленных положения необходимо прежде всего выяснить, каким образом в процессе деятельности языка возникают явления, которые относятся к развитию языка. Потребность в этом вызвана известным парадоксом Ш. Балли: «Прежде всего, языки непрестанно изменяются, но функционировать они могут, только не меняясь. В любой момент своего существования они представляют собой продукт временного равновесия. Следовательно, это равновесие является равнодействующей двух противоположных сил: с одной стороны, традиции, задерживающей изменение, которое несовместимо с нормальным употреблением языка, а с другой – активных тенденций, толкающих этот язык в определенном направлении» (4).

Действительно, отдельные исторические изменения не в состоянии ни создать, ни перестроить

какой-либо целостной системы. Однако языковое изменение может быть также продиктовано требованиями перестройки всей существующей системы и повлечь за собой такие следствия, которые сделают необходимым ее дальнейшее преобразование в каких-то отдельных звеньях, поскольку обоснование языковой изменчивости лежит не в том, как устроен язык, а в том, каково его назначение. Язык меняется, так как в основе актов коммуникации, средством практического осуществления которых он и является, лежит отражение человеком окружающей его действительности, которая сама находится в постоянном движении и развитии. Но импульсы изменений исходят не только от исторически изменившейся среды, процесс изменения живого языка никогда не прекращается, завершаясь тогда, когда сам этот язык перестает существовать. Часть изменений носит терапевтический характер, возникая в силу внутренней необходимости перестройки языкового механизма. Ряд изменений можно связать непосредственно с воздействием одного на другой. Перестройка языка может протекать под влиянием двух разных движущих сил, из которых одна связана с назначением языка и реализацией коммуникативных нужд общества, а другая – с принципом организации языка, с его воплощенностью в определенную субстанцию и его существованием в виде особой системы знаков.

По сравнению с речью изменения в системе языка менее заметны и труднее уловимы. Очевидно, что система языка меняется медленнее, чем условия функционирования языка или структура дискурса. К основным, принципиальным изменениям, касающимся типологии русского языка, относятся рост аналитизма и черт агглютинативности (способа образования производных слов и грамматических форм посредством присоединения к корню различных аффиксов, имеющих самостоятельное значение) в структуре производного слова, которые происходят одновременно. Рост аналитизма обнаруживается в грамматике: в ослаблении склонения; в интенсивном ослаблении склонения числительных; в экспансии именительного падежа в склонении существительных. Эти явления особенно активно обнаруживаются в литературном разговорном языке. Рост аналитизма выявляется также в активизации конструкций с предлогами, вытесняющих конструкции без предлогов, ср.: *изменение расписания* -> *изменения в расписании*. Изменения в грамматике часто сопровождаются изменениями в лексике: количественный рост и активизация употребительности двух классов имен: 1) аналитических прилагательных и 2) аббревиатур (5).

Число несклоняемых аналитических прилагательных (термин М.В. Панова) увеличивается с такой интенсивностью, что ни ученые, ни словари не успевают их фиксировать, ср.: *мастер-класс, компакт-диск, шоу-бизнес, бизнес-класс, бизнес-ланч, топ-звезда, Web-страницы, Web-услуги*. Такие единицы чаще находятся в препозиции к существительному, но могут занимать и постпозицию: *дог-шоу* (ср. *экспресс-опрос*). И если в 60-е гг. подобные единицы были скорее фактами речи, то в наши дни, по-видимому, уже можно говорить о «фактах языка», отражающих однонаправленное (хотя и медленное) движение русского языка (в целом – синтетического) в сторону аналитизма; движений в сторону синтеза нет.

Процесс словосложения в аббревиатурах, действующий на современном этапе развития языка и представляющий собой своеобразное свертывание или универбализацию словосочетания в одно слово, все более распространяется, отвечая нуждам коммуникации в экономии языковых средств выражения. Он становится возможным благодаря изменениям в системе словосочетаний, которые, во-первых, непосредственно связаны с семантическими процессами, происходящими в слове, а во-вторых, их развитие стимулируется тенденциями взаимовлияния и уподобления, действующими внутри самой этой системы. В результате происходит создание новых типов словосочетаний, по значениям и функциям дублирующих уже функционирующие более сложные структуры и в упрощенном виде воспроизводящих их общее строение, что в свою очередь приводит к обогащению и расширению уже существующих синтаксических рядов.

Такие более простые конструкции можно рассматривать либо как варианты, сокращенные формы уже существующих построений, либо как новые самостоятельные синтаксические образования. Нам представляется предпочтительным второй подход, который находит свое подтверждение, во-первых, в форме данных образований и индивидуальном характере связи его компонентов, ср.: *анализ на содержание соли > анализ на соли*; между словами, составляющими такое сочетание, отсутствует внутренне необходимая связь; в большей или меньшей степени ощущается эллиптичность, нарушенность последовательно развивающейся цепи подчинения. Во-вторых, в том существенном обстоятельстве, что подобное сочетание способно само порождать синтаксические новообразования, ср.: *подать заявление на участие в конкурсе > подать заявление на конкурс > 1) заявление на конкурс и 2) подать на конкурс* (только в речи); между

развернутыми и опрощенными сочетаниями отсутствует прямая генетическая связь; они могут существовать параллельно и принадлежать к разным стилям или типам речи; сочетания «опрощенного» типа могут возникать и самостоятельно, независимо от наличия развернутого словосочетания, благодаря самостоятельности и активности свободных и конструктивно закрепленных форм.

Хотя тенденция к экономии языковых средств изначально присуща языку (6), проявляется во всех языках и потому может быть названа универсальной, реализуется она по-разному, на разных языковых уровнях, в разных микросистемах; пути и скорость ее проявления зависят от типологических характеристик самого языка. Типологически индоевропейский язык-основу и развившиеся из него диалекты можно, в общем, отнести к языкам синтетического, номинативного, флективного строя (согласно морфологической классификации). В разные периоды некоторые языки индоевропейской семьи отступали от общей модели, обретая черты, не свойственные семье в целом. Языки индоевропейских народов Западной Европы в большинстве своем демонстрируют утерю флективности, переходя к аналитическому строю, как, к примеру, английский, французский. Практически вся известная нам история развития индоевропейских диалектов с момента первых исторических свидетельств их существования проходит под знаком упрощения морфологической системы языка, утери флексии и грамматической изменяемости слова. В первом тысячелетии до нашей эры средняя степень флективности индоевропейской морфологии (древнегреческий, латинский, санскрит) была намного выше, чем уровень современных языков семьи (английский, французский, русский, хинди и др.).

На протяжении всего исторического периода существования индоевропейские языки идут путем сокращения флективных форм. Утеря таких важных элементов индоевропейской системы морфологии, как показатели падежа, рода, типа склонения, сопровождается выработкой аналитического строя языков нового времени. Среди наиболее распространенных способов замены флективных конструкций на аналитические можно назвать, во-первых, слияние форм с разными значениями в одну и, во-вторых, выработку новых форм с использованием служебных слов. Типы именного склонения унифицируются; в области глагольного словообразования происходят сходные процессы – в результате уподобления формы сливаются или же преобразуются в аналитические конструкции со служебными словами и вспомогательными глаголами. Одним из наиболее

характерных в плане экономии можно назвать, например, в данных условиях всегда наблюдавшееся стремление к «синтетическому сжатию обозначений словосочетаний» (7).

Создание структурно более простых единиц начинает служить источником смысловых преобразований слов (от контекстуально обусловленных переосмыслений до формирования новых значений). Так, при образовании нового сочетания, например, через упрощение изначального более сложного варианта на компоненты, оставшиеся в составе новой единицы, падает дополнительная, хотя и неформализованная смысловая нагрузка; переосмысление при этом объективировано не в самом слове, а в его новых связях, ср.: *помогать другу работать с отчетностью* > *помогать другу с отчетностью* > *помогать* (с отчетностью), *разбираться* (с отчетностью), то есть по своим дистрибутивным показателям сохранившийся глагол становится в ряд с другими глаголами. Образование структурно упрощенных дублетов иногда приводит к изменению семантической структуры слова, то есть к формированию нового значения, семантического конденсата.

Учет подобных новых типов словосочетаний важен потому, что он выявляет характерный для языковых структур процесс семантической конденсации или включения (т. е. устранения формальной и семантической расчлененности наименования) и возникновения эквивалентных по смыслу и различных по форме единиц, что представляет собой частный случай проявления одной из общих тенденций развития языка – тенденции к регулярности внутриязыковых соотношений, к выработке языкового автоматизма и отражает сам механизм, происходящий в синтаксической конструкции. Универбация является следствием расхождения и взаимовлияния книжной и разговорной речи. Так, если в книжном стиле стремление к логически четким, грамматически последовательно развернутым соединениям слов приводит к росту многокомпонентных, иерархически громоздких словосочетаний, то для разговорной речи, напротив, типично стремление преодолеть сложность синтаксиса. Здесь очень ярко проявляется действие принципа экономии в языковом общении: экономия в плане выражения осуществляется на фоне сохранения всей информации в плане содержания, то есть содержание исключенного компонента включается в содержание вербализованной части конструкции: включенным может быть как значение определяющего слова, так и значение определяемого, причем в последнем случае происходит эллиптичес-

кая субстантивация, а иногда – изменение грамматического разряда универба, что выражается изменением основы слова, ср.: «*В боевую готовность приведены все; бойцы чрезвычайки (<служба по чрезвычайным ситуациям) не спят сутками*» (8); > *Пампуля*, > *Твербуля*, ср.: «*В 40-х годах у молодежи было принято встречаться на Твербуле (<Тверской бульвар) у Пампули (<Памятник А.С. Пушкину)*» (9); – суффиксация и системы флексий.

С 60-х годов 20 в. в русской разговорной речи широко представлена суффиксальная универбация атрибутивного словосочетания; процесс словообразования идет по пути создания имен существительных женского рода с суффиксом -к(а), образованных по одному типу, ср.: *варенка* <«вареная» джинсовая ткань, *Дрезденка* < *Дрезденская галерея*, *копирка* < *копировальная бумага*, *музыкалка* < *музыкальная школа*, *попутка* < *попутная машина* и др. (10). Возрастает также употребление сниженной лексики в речи в различных стилях речи и жанрах, а особенно в средствах массовой информации, ср.: *обменник* < *пункт обмена валюты*, *мобильник* < *мобильный телефон*, *дутик* < *дутая куртка*, *оэртэшиник* < *сотрудник телеканала ОРТ*, *Склиф* < *Склифосовский* < *больница им. Склифосовского*; *силовик* < *руководитель силового министерства, ведомства или крупного подразделения*. Значительная часть данных разговорных наименований представляет собой суффиксальные существительные, образованные на базе словосочетаний прилагательное + существительное. Сниженные элементы могут выстраиваться в трехчленные синонимические ряды. Так, нейтральная номинация пятиэтажный дом имеет три сниженных синонима: *пятиэтажка* (разг.) – *хрущевка* (прост.) – *хрущоба* (жаргон). Слово *пятиэтажка* представляет собой суффиксальный универб или универбат, созданный на базе словосочетания; *хрущевка* – производная лексическая единица с суффиксом -к(а) от фамилии Хрущев, при котором строили подобные дома; *хрущоба* – каламбурное скрещение начальной части фамилии Хрущев и конечной части слова трущоба; ср.: «*Московский проект реконструкции пятиэтажек медленно отмирает (заголовок). Лет через десять «хрущевки» сами рассыплутся*» (11). И хотя признак непроницаемости подразумевает, что внутрь слова нельзя вставить другое слово, модель «телескопных» сокращений, или слияний, как раз основана на принципе «вставки», его использование предполагает включение начальной части одного слова и конечной части другого. Этот словообразовательный телескопический прием в основном является скорее речевым, чем языковым; с его

помощью чаще всего создаются речевые окказионализмы.

В случаях, когда многословное наименование свертывается в однословное, принцип экономии проявляется еще резче: эксплицитная модель заменяется имплицитной. Полученный в результате конденсат, или универб, часто становится единицей языка, ср.: «*Так же поступают и местные комментаторы: «яблочники» (< члены партии «яблоко»)* знамениты тем, что они всегда как бы в оппозиции» (12); *температура < высокая температура, федералы < федеральные войска* (13) и начинает восприниматься его носителями при возрастании частотности ее употребления. Аббревиация также относится к явлениям семантической конденсации, так как производные сокращенные слова представляют собой эквиваленты словосочетаний, служащих для них комплексной (неоднословной) мотивирующей основой, ср.: *компромат < компрометирующие материалы, общепит < общественное питание*. По значению подобные аббревиатуры эквивалентны мотивирующему словосочетанию. Однако иногда происходит утрата соотносительности между сокращением и словосочетанием, а следовательно, и словообразовательной мотивированности аббревиатуры, другими словами, происходит опрощение, ср.: *метизы < металлические изделия, прораб < производитель работ* с возможной даже перестановкой компонентов, ср.: *кожмимит < имитация кожи*.

Расхождение между аббревиатурой и составом полного наименования может быть не только структурным, но и лексическим, ср.: *главк < главный комитет > главное управление*, так как новообразование формируется лишь за счет наиболее важных в семантическом плане слов и корневых морфем. Смысловая емкость аббревиатуры может состоять как из явной интеграции всей информационной нагрузки исходного словосочетания (ср.: *зарплата > «Текущая зарплата, текущая пенсия – это как бы святое и должно выплачиваться каж-*

дый месяц» (14), *сбербанк* и др.), так и скрытой, ср.: *ликбез < пункт по ликвидации безграмотности*. В результате акта аббревиации возникает новое наименование, по смысловому наполнению никак не отличающееся от исходного мотивирующего словосочетания, благодаря автоматизированному характеру словесных знаков – имен, которые повторяются и одновременно дают целостное представление о предмете. Эта особенность допускает вычленение из однословных названий отдельных элементов и свертывание максимальной синтагмы как на синтаксическом (эллипсис отдельных слов), так и на морфемном (элиминация деривационных элементов) уровне. Взаимодействие между словосочетанием и соответствующей моделью сокращенного слова носит вполне постоянный характер, что позволяет считать основным признаком любого слова соотносительность его в системе современного русского языка со словосочетанием.

Таким образом, аббревиация представляет собой разновидность универбации – морфологосинтаксического процесса поэтапного преобразования функционального (речевого) описания объекта или предмета сначала в многословное словосочетание или коррелят аббревиатуры с последующим или одновременным преобразованием последнего в аббревиатурное имя предмета, при замене эксплицитной модели имплицитной, синтетической конструкции аналитической. Поскольку словосочетание, как и слово, наделено номинативной способностью, в силу своей характеристики оно часто служит производящей основой для новых слов – аббревиатур, которые, являясь словом, аккумулируют и развивают номинативную способность исходной формы. Не все типы словосочетаний одинаково активно производят аббревиатуры в языках разного строя. Однако универсальным является преобладание среди производящих аббревиатуры основ именных атрибутивных и объектных словосочетаний, как простых, так и комбинированных.

Список использованной литературы:

1. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
2. Vruant M.M. Blends are Increasing // American Speech. 1974. V. 49. No. 1-4.
3. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
5. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. №3. С. 23-31.
6. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопросы языкознания. 1972. №1. Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. М., 1983.
7. Исенин И.А. Сложносокращенные слова и суффикс именных образований «о» в современном французском языке // Вопросы лексикологии английского, французского и немецкого языков. Иваново, 1961. т. XXVII.
8. АиФ. 2001. №14.
9. Радио Маяк. «Звездная гостиная». 2001. 25 июл.
10. Осипова Л.И. Новые слова в русском языке. М., 2000.
11. Сегодня. 1996. 28 дек.
12. КГТРК. 1998. 11 апр.
13. Четвертая власть. 7 канал. 2000. 17 окт.
14. ТВ РТР 1998. 6 дек.